

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛЮ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

- Тs'ien. P., 1897. Т. 2, с. 139, 174; Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общей ред. Р.В.Вяткина. М., 1975. Т.2, с. 65,78,249, 349 (примеч. 86), 469 (примеч. 17); D.Bodde. *China's First Unifier*. Leiden, 1938, с. 51, 179; Л.С.Переломов. Империя Цинь - первое централизованное государство в Китае (221-202 гг. до н.э.). М., 1961, с. 155.
6. Заменяем знак хоу ("князь") на уместный здесь графически похожий знак ши ("посланец") из параллельного текста Жу Шуня, см. Хань шу, гл. 72, с. 4625.
 7. См. Хань шу, гл. 51, с. 3807. Ср. Чжан Цзун-сян (ред. Цзяочжэн Сяньфу хуан ту. Шанхай, 1958, гл. 1, с. 7.
 8. См. ссылку в примеч. 6.
 9. См. Хань шу, гл. 45, с. 3642.
 10. См. Ши цзи, гл. 18, с. 107-108; Хань шу, гл. 16, с. 881-882; ср. Chavannes, ук.соч. 1898. Т. 3, с. 139.
 11. См. Хань шу, гл. 45, с. 3641- 3642.
 12. См. там же, гл. 84, с. 4954, 4957.
 13. См. там же, гл. 72, с. 4624-4625; Цянь Хань цзи. Шанхай, 1928, гл. 29, с. 5а.
 14. См. H.H.Dubs. *The History of the Former Han Dynasty* by Pan Ku. Baltimore, 1944. Vol.2, с. 373-374 и примеч. 1.4; 1955. Vol.3, с. 212, примеч. 23.6.
 15. Янь те лунь (изд. Го Мо-жо). Пекин, 1957, гл. 55, с. 98.
 16. См. там же, с. 99, примеч. 127. Данные о применении смертной казни за кражу лошади у нас нет; известен как будто один случай, когда смерть грозила человеку за "кражу быка", см. Чэн Шу-дэ. Цзю чао люй као. Шанхай, 1955, с. 113.

А.С.Мартынов

САМОНАЗВАНИЕ СТРАНЫ КАК ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ИМПЕРАТОРСКОМ КИТАЕ

I. По всей видимости, представление о политической территории как о четко ограниченной сфере распространения государственного суверенитета, сфере, соседствующей с многими аналогичными сферами, является плодом сравнительно недавнего времени. Для возникновения подобной концепции необходим был синтез ньютоновского понимания пространства и боденовского учения о суверенитете. Иными словами,

пространство (применительно к политической идеологии - территории) должно было предстать в сознании людей в виде изотропного, гомогенного и неизменного протяжения, характеризующегося отсутствием всякой внутренней структуры и обладающего в качестве своего единственного параметра лишь измерением $1/2$, с. 15/. Политическая же власть, низведенная светской трактовкой до уровня высшей администрации и потерявшая свой исключительный характер среди множества себе подобных, должна была признать ограниченность как своих функций, так и своей сферы. Легко понять, что в средние века эти условия отсутствовали почти повсеместно, что, естественно, способствовало возникновению совершенно иных представлений о политической территории, в первую очередь, о территории своей собственной страны. Эти представления создавались при господстве религиозных воззрений, которые касались как природы власти, так и сферы ее распространения. По нашему мнению, чрезвычайно показательными в этом плане являются средневековые китайские политические представления, поскольку они развились в стране с чрезвычайно высоким, можно даже сказать, сакральным статусом государства и исключительно богатыми традициями политической мысли.

2. Китайские политические представления о стране, территории и государственной власти, подобно аналогичным системам воззрений в других местах в эпоху средневековья, формировались в сфере сакральных ценностей и потому не могли не сохранить ее характер. Более того, в силу некоторых структурных особенностей совокупности китайских религиозных воззрений в традиционных политических представлениях императорского Китая сохранились в довольно ясном виде некоторые черты, присущие почти универсально распространенной модели пространства, которой оперировало в древности мифопоэтическое сознание. Мы имеем в виду, прежде всего, сакральность, неравноценность (членимость) и непостоянство пространства, тесно связанного с процессом мироустройства, как и понималась государственная власть в императорском Китае. Сакральность политического пространства наиболее ярко проявлялась в сведении всей государственной территории к одной точке - "шэ цзи", алтарю Земли и Злаков, который стал метонимией и синонимом государства, о чем можно узнать даже по словарю современного китайского языка /1, с. 25/. Подобная филологическая судьба данного святилища объясняется, по-видимому, тем, что оно соединяло в себе два важнейших для процесса мироустройства качества: коммуникацию с высшими силами и начало мироустроительного процесса, который должен был из этой точки развертываться во всех направлениях. С этим же процессом связана и чле-

нимость политического пространства, выражавшаяся в постоянном противопоставлении внешнего и внутреннего (вай - нэй), за которым скрывалась степень близости данной области к сакральному центру, а, следовательно, мера его "устроенности" и политической ценности. От этого свойства политического пространства из глубины веков дошло до нас второе самоназвание Китая, являющееся и поныне его официальным именованием - "Чжун го", то есть "Центральное государство", или "Государство центра", "Государство в центре". Но, пожалуй, наибольшим богатством отличается та группа названий Китая, которая связана с последней, завершающей фазой устройства, что и понятно, поскольку вступление процесса в эту стадию означало окончательную победу и триумф устроительных сил. Поскольку политический процесс рассматривался как тождественный устройению, то, естественно, триумф устройства был и триумфом политическим. Применительно к пространству, а следовательно, и к государственной территории, это означало достижение процессом устройства, развертывающегося из центра вовне, предельных пространственных границ. В связи с чем семантика слов данной группы приобрела интересную особенность: если "шэ цзи" и "Чжун го" означают только Китай, то самоназвания третьей группы совмещают в себе два значения: Китай и мир, тем самым как бы подтверждая на филологическом уровне универалистские претензии Срединной империи. Остановимся несколько подробнее на словах этой группы.

3. Наиболее известным представителем третьей группы названий смело можно считать "Тянь ся" ("Поднебесную"), слово, которое достаточно наглядно воплотило в себе единство значений "страна-мир", поскольку в силу довольно прозрачной внутренней структуры (по значению знаков - "под Небом") имело предельно четкий смысл - "то пространство, которое находится под Небом", "вся поверхность земли", а благодаря употреблению в текстах, вызванному потребностями политической идеологии постулировать тождество между своей страной и миром, приобрело в качестве первого значения наименование своей страны. Всякие попытки внести в понятие "Тянь ся" какие-либо ограничения со ссылками на то, что сами китайцы понимали под "Тянь ся" лишь то, что находится под "их собственным" Небом, а не под чужим, опровергаются наличием целой группы слов, объединенных общим значением "предельное пространство", применяемых в качестве синонимов Китая и мира одновременно, и выражением того же значения иными филологическими средствами. Так, например, обозначение крайних пределов пространства как пространства, накрытого Небом, может быть выражено в политических текстах довольно употребитель-

ним выражением "фу цзай чжи нэй", что на уровне знаков может быть передано как "внутри несения и накрытия", где через свои функции в мироздании обозначены две его главные части: всенакрывающий небосвод и всенесущая на себе земная твердь. Особо следует отметить, что подобные выражения встречаются в текстах, политический характер которых не может быть поставлен под сомнение. Так, в указе (дэ инь) танского императора У-цзуна (841-846) от 844 г., где говорится о сугубо внутривполитических проблемах - подавлении волнений в Лучжоу - и где, следовательно, под сферой власти должна подразумеваться государственная территория, находящаяся под прямым и непосредственным управлением императорской администрации, рассуждения об ответственности за политические преступления начинаются следующей декларацией: "Я, император, слышал, что [на всем пространстве, котсрое] несет земля и накрывает небосвод (фу цзай чжи нэй), те, кто воспротивился [государеву] приказу, должны быть уничтожены лично; [на всем пространстве, которое] освещается солнцем и луной, у тех, кто нарушал устойчивость, родственники должны быть непременно привлечены к ответственности" /5, с. 672/. Как можно видеть, в приведенном императорском указе образ универсального пространства выражен двумя различными способами, но в обоих случаях это универсальное пространство служит для обозначения государственной территории, сферы соблюдения предписаний императорского правительства.

4. "Поднебесная", как мы отметили выше, всего лишь самый употребительный, но отнюдь не единственный образ предельного пространства. Чтобы не быть голословным приведем отрывок из текста стелы известного танского литератора Лю Цзунъюаня (773-819), установленной в горах Тушань: "Только император из рода Ся [смог] совершить великие деяния, утвердить великий престол и установить великое правление. [Он] проявлял заботу о [всех] десяти тысячах государств, принес покой и гармонию во все четыре предела и [проявил свою] грозность и заботливость во [всех] девяти областях" /6, цз 138, с. 28а/. Приведенный выше отрывок из текста стелы интересен тем, что в нем один и тот же, по сути дела, предмет назван тремя различными способами, каждый из которых подчеркивает какой-то один аспект именуемого. Предмет этот - сфера распространения императорской власти, объединяющая в себе значения и территории своей страны и всего обитаемого пространства. Первый образ этой сферы - "вань бан" ("десять тысяч государств") - выражает идею бесконечности через предельное множество, второй - через указание на пределы, третий - через совокупность частей, составляющих це-

лое: Юй разделил пригодные для обитания земли на девять областей и распространил свою заботу и свою грозную власть на все эти девять частей земли. Все эти три способа обозначения сферы распространения императорской власти указывают на возможность разделения образов предельного пространства на три подгруппы, в первой из которых содержится указание на множество, во второй - на пределы, в третьей - на цельность. Политические тексты средневекового Китая позволяют составить длинный список выражений, входящих в каждую из этих подгрупп. "Вань го", "вань бан" ("десять тысяч государств"), "вань фан" ("десять тысяч сторон") - вот наиболее употребительные образы первой подгруппы, "ба бяо", "ба цзи" ("восемь пределов"), "лю хэ" ("шесть направлений") - второй, в третьей же, по нашему мнению, наибольший интерес представляют образы, связанные с водой, на чем есть смысл остановиться несколько подробнее.

5. Излишне, вероятно, уточнять, что среди многочисленных наименований различных аспектов политического и ритуального пространства лишь очень немногие, завоевавшие наибольшую популярность, превратились в самоназвание Китая, основная масса этих выражений так и осталась образами, оттеняющими тот или иной момент системы политических представлений. Но среди них есть такие, которые, если так можно выразиться, подошли к порогу превращения из образов в самоназвания, но этого порога не перешагнули. К подобным выражениям относятся, в первую очередь, "сы хай" (по знакам - "четыре моря") и "хай нэй" (по знакам - "внутри морей"). Приведем примеры. В тексте стелы, составленной по специальному указу танского императора Тай-цзуна (627-649), его ближайший советник Вэй Чжэн так описал заслуги своего повелителя: "Вначале [он] совершил военные подвиги и объединил [пространство между] морями ("хай нэй")" /7, цз. 43, л. 56/. Из императорского указа более позднего, цинского, времени: "Я, император, управляю [пространством между] четырьмя морями ("сы хай"), разделяю земли и устанавливаю границы" /3, цз. 122, л. 3а/. Надо сказать, что выражения этого типа очень рано начали вызывать недоумения: Китай, как это было ясно уже древним, примыкал к морю лишь с одной стороны. В принципе разрешить это затруднение можно двояким путем: либо доказать, что слово "хай" имеет другое значение, либо - что эту страну когда-то действительно окружали моря. Первым путем пошел известный философ Древнего Китая Сюнь-цзы (IV-III в. до н.э.). Он пытался доказать, что слово "хай", кроме основного значения "море", имеет еще дополнительное значение - "темные, варварские области" /4, с. 107-108/. Но можно

предложить и другое объяснение: выражение "четыре моря" пришло не от эмпирической географии, а от модели ритуального пространства, в котором вода часто выступает в качестве антипода "космосу", устроенному пространству, как символ "хаоса", неустроенного пространства. Эти представления столь же универсальны как универсально мифопоэтическое мировоззрение.

В заключение позволим себе некоторый повтор и сформулируем два основных вывода: первый – в основе традиционных китайских политических представлений лежала модель пространства, характерная для мифопоэтического мировоззрения; второй – каждая из трех важнейших особенностей этой модели – ориентация на центр, членимость и предельность – дала самоназвание страны, которыми и являются "шэ цзи" ("алтари Земли и Злаков"), "Чжун го" ("Центральное государство") и "Тянь ся" ("Поднебесная").

-
1. Китайско-русский словарь. Под ред. Б.Г.Мудрова. М., 1980.
 2. В.Н.Топоров. Первобытные представления о мире. – Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М., "Наука", 1982.
 3. Дай Цин ли чао ши лу (Хроника великой Цинской династии по царствованиям). Токио, 1937, раздел "Ши-цзу чао".
 4. Лян Цисюн. Сюнь-цзы цзяньши (Собрание сочинений Сюнь-цзы с комментариями). Пекин, 1956.
 5. Тан да чжао лин цзи (Собрание императорских указов династии Тан). Пекин, 1959.
 6. Ту шу цзи чэн (Полное собрание текстов и изображений). Изд. "Чжунхуашуцзюй", 1934.
 7. Цзинь ши цуй бянь (Собрание надписей на камне и металле), сост. Ван Чан, Ксил., 1805.

Ю.Д.Михайлова

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ МОТООРИ НОРИНАГА (к вопросу о развитии самосознания мыслителя)

При изучении идей того или иного мыслителя в первую очередь представляется важным проанализировать, под влиянием каких факторов общественной и идейно-политической жизни страны происходило формирование его учения, интересы каких социальных слоев он выражал. Однако не меньшего внимания заслуживает и вопрос о том, в ка-